

О.А. Егоров

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬ
ВЫСОЧАЙШИХ ОХОТ В ЛИСИНЕ
ГРАФ ГЕРМАН ФЕДОРОВИЧ ГАУЭНШИЛЬД
(1822–1884)**

В 70 километрах от Петербурга расположен поселок Лисино-Корпус, центр Лисинского учебного лесничества, известный целым комплексом построек придворного архитектора Н.Л. Бенуа, среди которых выделяется императорский охотничий дворец, единственный памятник подобного типа на всей территории России (рис. 1). Дворец был построен для приездов императора Александра II, единственного

Рис. 1. Охотничий дворец в Лисине-Корпус. Западный фасад.
Фото К. Фельбингера. 1869 г.

из всех русских государей предпочитавшего зимнюю охоту всем другим видам. Уникальность Лисина как самостоятельной императорской охотничьей резиденции подчеркивается еще и тем, что только в Лисинском учебном лесничестве существовали две должности, которых более не было нигде в Российской империи, а именно: обер-егерь лесничества и производитель высочайших охот в Лисине.

Всего Александр II был в Лисино около 110 раз. Именно здесь Александр Николаевич добыл своего первого лося и первого вольного медведя¹. Уже после гибели государя чины Корпуса лесничих и Лисинского лесничества «в память высочайшего благоволения и неоднократного посещения Лисина» установили Александру Николаевичу бюст, к сожалению, не переживший бури революции. Привязанность государя к Лисино не в последнюю очередь была связана с теми людьми, которые смогли организовать здесь высочайший уровень производства зимних охот, не знавший себе равных и оставлявший придворную охоту далеко позади. Это были четверо немцев: второй директор лесничества Андрей (Йоган Рейнгольд Карл Генрих) Васильевич Гарф, обер-егеря лесничества Андрей (Генрих) Федорович Рейс и Оскар Антонович (Оттович) Кригер, а также первый и единственный за всю историю лесничества производитель высочайших охот Герман (Герман Мария) Федорович Гауэншильд².

Герман Федорович родился и был крещен в Дрездене в Королевской католической придворной церкви под двойным именем Герман Мария 7 июля по европейскому календарю (25 июня по календарю Российской империи) 1822 г.³

Рис. 2. Гауэншильд Федор Матвеевич, отец Германа Федоровича

О родителях Гауэншильда известно немного. Отец — Федор (Фридрих Леопольд Август) Матвеевич фон Гауэншильд (1783—1830) — был австрийским подданным, уроженцем города Германштадт в Трансильвании (рис. 2). Мать — Иоанна, урожденная Книрием. В 1809 г. чета Гауэншильдов приехала в Россию. Федор Матвеевич получил назначение на должность директора Царскосельского благородного пансиона при Царскосельском лицее и профессора немецкой словесности в самом лицее. В 1814—1816 гг. даже занимал место директора лицея. Лицеисты его не любили и едко

высмеивали, считая его австрийским шпионом. Дослужился до чина коллежского советника. Занимался переводами с немецкого на русский и с русского на немецкий. 7 января 1815 г. принял присягу на вечное подданство России. В 1818 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по германской филологии⁴. 4 мая 1822 г. вышел в отставку с полной пенсией и уехал в Германию. Как записал в автобиографической заметке Герман Федорович: «...а я родился и крещен 7 июля того же года в Дрездене во время путешествия моего отца за границу, то есть через два месяца по выходе его в отставку»⁵. В 1826—1828 гг. Федор Матвеевич занимал должность австрийского Генерального консула на Ионических островах и получил от папы Льва XII патент на потомственное графское достоинство⁶.

В 1829 г. Федор Матвеевич вернулся в Россию и попытался вновь поступить на службу. Однако, по всей видимости, по болезни был вынужден выехать на родину, в город Германштадт, где и скончался в 1830 г. А его семья, по всей видимости, осталась в России.

О родной матери Германа Федоровича сведений нет. Но известно, что его отец был женат дважды. Однако о второй его супруге также не имеется никаких сведений, за одним упоминанием — это доклад министра государственных имуществ П.Д. Киселёва по прошению вдовы Ф.М. Гауэншильда на высочайшее имя от 5 августа 1837 г.:

«Действительный Тайный Советник Князь Голицын по Высочайшему повелению препроводил ко мне для доклада Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшего прошения вдовы бывшего Директора Царско-сельского Благородного Пансиона, Коллежского Советника Гауэншильда, о принятии в Лесной и Межевой Институт на казенное содержание пасынка ее, сына покойного Гауэншильда от первого брака.

Справка. Помянутый Гауэншильд состоит своекоштным пансионером Лесного и Межевого Института.

Вакансии казенных воспитанников при Институте ныне не имеется.

Заключение. Ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет повелеть поместить Гауэншильда на казенное содержание в Лесном и Межевом Институте, то сие имеет быть исполнено в Марте месяце будущего года, по выпуске нескольких воспитанников из окончивших курс учения; на что имею счастье испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества утверждения», на который государь наложил резолюцию: «исполнить»⁷.

Лесной и межевой институт (ЛиМИ) был образован на базе бывшего С.-Петербургского лесного института по высочайшему указу от

7 июня 1837 г. по образцу военно-учебных заведений. Воспитанники, переименованные в кадетов, составили 1 батальон в 4 роты, из которых 1 рота — Лесное отделение и 3 роты — Межевое. В лесную роту принимались преимущественно дети чиновников лесного ведомства и Департамента государственных имуществ, при этом приоритет отдавался детям, лишившимся отцов, остальные по старшинству поданных прошений. Если оставались вакансии, то принимались дети чиновников и других ведомств, но не ниже обер-офицерского звания и преимущественно сироты. Кроме этих категорий, могли приниматься и своекоштные из детей дворян и обер-офицеров с платой 700 руб. в год⁸. Само лесное ведомство также было преобразовано по военному образцу со всеми правами военной службы.

Первоначальное образование Герман Федорович получил дома у родителей. Почему для продолжения образования был выбран именно ЛиМИ — сказать трудно. Возможно, на этот момент не было свободных вакансий в военно-учебных заведениях, а в ЛиМИ можно было поступить на вакансию своекоштного воспитанника, хотя это и было довольно накладно для семьи. Косвенно за то, что Герман Федорович собирался выбрать именно военную карьеру строевого офицера, говорят его дальнейшие действия. Не закончив полного образования в ЛиМИ, то есть не пройдя годовой производственной практики в Лисинском учебном лесничестве, и соответственно не получив чина подпрапорщика Корпуса лесничих, в сентябре 1841 г. Гауэншильд поступил на военную службу унтер-офицером в Екатеринославский гренадерский его высочества наследника цесаревича полк.

Здесь его военная карьера развивалась, как и положено человеку без связей, положения и материального достатка, то есть строго по уставам и положениям о военной службе. В сентябре 1842 г. Герман Федорович был произведен в подпрапорщики, в декабре 1843 г. — в прапорщики, в январе 1847 г. — в подпоручики и в феврале 1850 г. — в поручики. В августе 1850 г. для испытания он был прикомандирован к лейб-гвардии Московскому полку и в мае 1851 г. переведен в этот полк подпоручиком⁹.

Однако служба в гвардейском полку даже в глубоко провинциальном Ковно¹⁰ оказалась не по карману человеку, жившему лишь на офицерское жалованье. Через год Гауэншильд подал прошение на высочайшее имя о переводе его в Корпус лесничих *«по недостаточному состоянию, лишаящему его возможности продолжать службу в Гвардии»*¹¹. В июне 1852 г. Гауэншильд высочайшим указом был переведен

в Корпус лесничих поручиком и назначен на должность лесничего в С.-Петербургское лесничество¹².

В окрестностях Петербурга казенных лесов было очень мало, потому С.-Петербургское лесничество представляло собой, если так можно выразиться, лоскутное одеяло, объединяя лесные дачи (зачастую размером всего в несколько десятин¹³), приписанные либо к казенным заводам, как, например, Охтенская или Сестрорецкая казенные лесные дачи, приписанные соответственно к Охтенским пороховым и Сестрорецкому оружейному заводам; или к сельским обществам государственных крестьян и казенных ямщиков, как, например, Ижоро-Тосненская лесная дача, приписанная к ижорскому и тосненскому ямам; и при этом разбросанных на громадной площади. Посему должность петербургского лесничего была очень хлопотной, связана с постоянными разъездами и участием в постоянных судебных тяжбах, так как случаев самовольных порубок было достаточно.

Меньше чем через год службы петербургским лесничим Гауэншильд подал прошение о переводе его на освободившуюся вакансию лесничего Южной дистанции Лисинского учебного лесничества. В феврале 1853 г. Герман Федорович получил назначение в Лисинское лесничество¹⁴. Здесь карьера его продолжала развиваться также ровно. В мае 1855 г. он был переведен на должность лесничего Северной дистанции¹⁵. Хотя должности лесничих Северной и Южной дистанций Лисинского лесничества формально были равны, но неофициально должность лесничего Северной дистанции была старше и, таким образом, являлась следующей ступенькой в карьере. 21 марта 1856 г. Герман Федорович получил свой очередной чин — штабс-капитана Корпуса лесничих¹⁶.

Конец 1859 г. ознаменовался событием, ставшим одним из самых темных пятен в истории Лисинского учебного лесничества. Третий директор лесничества — Константин Богданович Бекман, работавший в лесничестве с 1844 г. (директор лесничества с 1852 г.), — пал жертвой интриг Лесного департамента.

Дело было в том, что по новому штату, вводившемуся с января 1860 г., должность директора лесничества с V класса повышалась до IV, то есть до генеральской, с соответствующим повышением оклада. Ко всему прочему Лисино стало уже постоянным и одним из самых любимых мест зимних охот императора Александра II. К этому времени на посту министра государственных имуществ графа П.Д. Киселёва, искренне любившего и всегда лично курировавшего Лисинское учебное лесничество и высоко ценившего Бекмана и как человека,

и как лесоведа, и как директора лесничества, сменил М.Н. Муравьев, хороший и талантливый администратор, но к Лисино относившийся как к рядовому лесничеству и за свое недолгое нахождение на посту министра ни разу там не побывавший. Лесной департамент, пользуясь малой компетентностью нового министра в лесном хозяйстве, возбудил следственное дело против Бекмана по якобы открывшимся в лесничестве злоупотреблениям при отпуске леса. Не дожидаясь даже формального начала следственного производства, Бекман был уволен с должности директора в этот же год и через некоторое время отправлен служить на Урал. А на его место был назначен Л.И. Чарторижский, единственный человек за всю историю Лисинского учебного лесничества не то что даже не имевший формального лесного образования, но и ни дня до этого не служивший по лесному ведомству. Полковник Чарторижский до своего назначения в 1860 г. директором лесничества был начальником штаба 5-й гвардейской пехотной дивизии¹⁷. Зато уже в 1864 г. он получил чин генерал-майора.

Косвенно дело Бекмана задело и младших дистанционных лесничих. В частности, Герман Федорович 30 ноября 1859 г. был отстранен следственной комиссией от должности лесничего Северной дистанции до окончания следствия. Формально следствие завершилось лишь в 1862 г. и ничего особенного, естественно, не нашло. Гауэншильд, все же получивший по этому делу 7 дней гауптвахты (?!), был восстановлен в должности лесничего¹⁸. Этот эпизод в биографии Гауэншильда никак не отразился на его карьере. Зато увлечение зимними охотами государя Александра Николаевича развернуло карьеру графа на 180 градусов.

До своего воцарения Александр II успел побывать в Лисино на охоте всего 10 раз. Причем последний из них (20 февраля 1853 г.) — как раз незадолго до перехода Германа Федоровича в Лисинское лесничество (28 февраля 1853 г.). Понятно, что для всего лесничества, начиная с директора и заканчивая лесниками и местными крестьянами, посещения Лисино цесаревичем были незаурядными событиями, память о которых запечатлевалась навсегда и служила темой постоянных разговоров. В эту атмосферу постоянного ожидания и подготовки к посещению лесничества государем не мог не погрузиться молодой лесничий. Однако следующее посещение Лисина Александром Николаевичем, ставшим уже императором, состоялось только через три года — 8 февраля 1856 г. Помешали Крымская война (1853–1856) и смерть отца (18 февраля 1855 г.).

После восшествия на престол интенсивность зимних охот Александра II резко возросла. Если до этого Александр Николаевич бывал в среднем на зимних охотах 2–4 раза в год, то теперь число зимних охот возросло до 15–20 за год, практически охота была каждую неделю. Возросло и число посещений государем Лисино в среднем от 4 до 6 раз за год, включая и весеннюю охоту на глухариную току.

Ввиду особого статуса лесничества, в котором высочайшая охота организовывалась не силами придворной охоты, а местными лесничими и обер-егерем, успех охоты был знаком особой гордости для министра государственных имуществ. Тем более что сменивший М.Н. Муравьева на этом посту генерал-адъютант свиты государя А.А. Зеленой был постоянным спутником по зимним охотам Александра II, что придавало определенную пикантность ввиду явной конкуренции между охотами, организованными Лисинским лесничеством, и придворной охотой, соответственно между министром и обер-егермейстером Ферзеным, что давало постоянный повод для дружественных подначек и шуток среди других участников высочайших охот.

Резко возросшее число зимних охот государя, фактическое превращение Лисино, с постройкой охотничьего дворца, в главную и любимую зимнюю охотничью резиденцию Александра II вызвало к жизни необходимость проведения определенной реорганизации Лисинского лесничества. В 1858 г. Лесной департамент по приказу министра государственных имуществ поручил Бекману подготовить новое положение о Лисинском учебном лесничестве и его новую штатную структуру. В 1859 г. Бекман представил проекты нового положения и штата лесничества. 11 января 1860 г. они были высочайше утверждены¹⁹.

По новому положению в структуре Лисинского лесничества создавалось самостоятельное хозяйство высочайших охот. На одного из дистанционных лесничих была возложена дополнительная обязанность распоряжаться организацией высочайших охот с дополнительной оплатой труда 300 руб. в год²⁰. Эта обязанность была возложена на Гауэншильда, так как на прошедших до этого назначения охотах государь вполне оценил организационные способности лесничего Северной дистанции, высказав Зеленому (тогда еще товарищу министра государственных имуществ) свое полное удовлетворение от качества произведенных охот.

Площадь Лисинского учебного лесничества (около 30 тыс. десятин) была явно недостаточна для того, чтобы производить 3–4 полноценные зимние охоты каждый год. Поэтому одной из задач Гауэншильда

стало увеличение охотничьих угодий, контролируемых лесничеством. В общей сложности за несколько лет за счет заарендования окрестных лесных дач площадь охотничьих угодий была доведена почти до 80 тыс. десятин, что позволило лесничеству спокойно проводить необходимое число зимних охот, даже если медведей и лосей вообще не было на территории самого лесничества. И необходимо заметить, что за все годы неудачные охоты Александра II в Лисино (а зимних охот на медведей и лосей здесь было проведено около 60) были редким исключением.

Главной жемчужиной среди заарендованных частновладельческих дач была Машинская лесная дача. Здесь был крупный тетеревиный ток, самый близкий к Лисино. Это позволило наряду с весенними охотами на тяге вальдшнепов и на глухаринном току организовать для государя и его первую охоту на тетеревином току. Следует заметить, что после смерти Александра II, когда значимость Лисинского лесничества как места царской охоты резко упала и лесничество отказалось от всех арендованных дач, единственным исключением осталась Машинская лесная дача. Именно по причине наличия в ней самого близкого и самого лучшего тетеревиного тока во всей округе.

За проделанную работу по аренде лесных дач под высочайшую охоту государь 9 мая 1862 г. приказал Зеленому: *«Гауэншильда благодарить и выдать ему в награду годовой оклад»* (500 руб.)²¹.

Чуть ранее Герман Федорович заслужил от государя другой подарок — бриллиантовый перстень — за подведенную на охоте 2 марта 1860 г. Александру II охотничью собаку. К сожалению, в документах лесничества нет упоминания о кличке подведенной государю собаки. Но есть все основания предполагать, что подведенная Гауэншильдом *«большая черная собака»* — это самая знаменитая и любимая собака Александра II Милорд, всюду сопровождавшая государя и ставшая в буквальном смысле слова его тенью. Каких-либо точных данных о происхождении Милорда в документах придворной охоты не сохранилось. Но можно косвенно проследить его происхождение по ряду документальных фактов.

Вот так описал Милорда известный дореволюционный заводчик островных легавых С.В. Пенский, видевший его в 1866 г.: *«Императорского черного кобеля я видел в Ильинском после обеда, на который Государь пригласил членов правления Московского Общества Охоты. Это была очень крупная и весьма красивая комнатная собака, с прекрасной головой, хорошо одетая, но сеттериного типа в ней было мало;*

к тому же ноги были слишком длинны, и одна из ног совершенно белая. Говорят, сеттер этот был подарен покойному Императору каким-то польским паном и слух ходил, что кобель был не совсем кровный»²² (выделено мною. — О.Е.).

В этой заметке о Милорде стоит акцентировать внимание на следующем: это была очень крупная черная собака, не сеттер, с одной белой ногой, и государю была кем-то подведена. То, что Милорд был большой черной собакой, отмечают в своих воспоминаниях и другие видевшие его люди.

Милорд скончался в 1867 г. от тоски, не пережив разлуки с хозяином, уехавшим на Парижскую выставку и впервые не взявшим с собой верного Милорда. Он был похоронен на собачьем кладбище на Детском острове в Царском Селе, и на его надгробной мраморной плите была выбита трогательная надпись: «Добрейшему, милейшему, верному Милорду. 1860—1867». Обратим внимание на дату «рождения» собаки, хотя здесь скорее стоит говорить о дате ее появления у Александра II — 1860 г. Но об этом чуть ниже.

Через некоторое время после смерти первого Милорда у государя появился новый «сеттер» Милорд. Гауэншильд в рапорте директору Лисинского лесничества от 13 мая 1871 г. сообщил: «Его Императорское Величество соизволил изъявить желание, оставить у меня для натаскивания принадлежащего Его Величеству сеттера Милорда на два месяца»²³. Заметим, что государь пожелал отдать в натаску свою личную собаку не своему личному егерю, которому это надлежало делать по должностным обязанностям, и даже не кому-либо из придворных егерей, которые занимались натаской императорских и великокняжеских собак, а человеку со стороны, хотя и хорошо известному государю. Ко всему прочему собаку с кличкой для Александра II, весьма сентиментального человека, символической. И вот тут вернемся к 1860 г.

В июне 1860 г. министр императорского двора Адлерберг послал запрос в егермейстерскую контору: «На одной из Высочайших охот, производимых, кажется, в Лисино, кто-то подарил Государю черную большую собаку, Высочайше повелено дать сему лицу <нрзб> подарок, спросить Гр. Ферзена кто этот человек, и в какую цену он полагает, следует дать ему подарок». Ферзен ответил, что «...большую черную собаку представил Его Императорскому Величеству служащий в Лисинском Учебном Лесничестве Штабс-Капитан Гауэншильд, которому следует, по моему мнению, назначить подарок в 300 руб. серебром» (выделено мною. — О.Е.).

На этом рапорте стоит резолюция министра от 11 июня 1860 г.: «*Высочайше повелено исполнить*». Гауэншильд получил в награду бриллиантовый перстень с изумрудом стоимостью 300 руб.²⁴

Обратим внимание, что, во-первых, государю была подведена большая черная собака, во-вторых, награда (и весьма не маленькая) последовала как минимум через полгода после факта подведения собаки государю. Александру II дарилось много собак, но не за каждую из них следовал столь ценный подарок. Причем оценил государь эту собаку не сразу, даже не помнил, кто ее ему подвел. Поэтому есть все основания предполагать, что подаренная Гауэншильдом большая черная собака и есть Милорд.

За пару лет до подведения собаки государю, в декабре 1857 г., Лисинским учебным лесничеством были приобретены из придворной охоты пять охотничьих собак за 420 руб. серебром, которые были записаны в инвентарную книгу как духовые собаки, предназначенные для охоты на кабанов.

Из этих собак три кобеля черной масти. Вот их точное описание: «1. Нентун — *черный с загривинной*²⁵, *грудь и под горлом бело, передние ноги по колено белые, а у задних лапы белы, на хвосте бело, рост 1 аршин 1 вершок*²⁶, *4 осеней*²⁷; 2. Бриган — *черный с загривинной, грудь и под горлом бело, передние ноги выше колена, а задние по колено белы, на хвосте бело, 4 осени, рост 1 аршин 1 вершок*; 3. Задир — *черный с загривинной, грудь и под горлом бело, лапы и на хвосте бело, 4 осени, рост 1 аршин*^{28»}²⁹.

В свою очередь, эти собаки были приобретены герцогом Мекленбург-Стрелицким в августе 1857 г. в Шарлоттенбурге и Штутгарте специально для придворной охоты³⁰. Нетрудно заметить много общего в описании этих собак с описанием Милорда, сделанным Пенским.

В штате Лисинского лесничества было определено только количество собак по породам, которые должны были содержаться на казенном корме. Рождавшиеся от этих собак щенки шли на восполнение штатного числа собак, если в этом была необходимость. Но обычно разбирались служащими в лесничестве чинами, а возможно, и продавались обер-егерем лесничества в свой доход, так как положением не было предписана их реализация за деньги. Соответственно ни в одном приходно-расходном документе лесничества не фиксируется доход, полученный лесничеством от реализации щенков. В отличие, к примеру, от лошадей лесничества, которые либо продавались местным крестьянам, либо на живодерню, а деньги от этой реализации записывались на приход лесничества. Не исключено, что и Гауэншильд взял

себе щенка от какого-либо из этих кобелей, а вырастив и натаскав его, подвел государю.

Второй Милорд, по всей видимости, пережил своего государя. Незадолго до гибели императора в 1881 г. художник Константин Маковский написал портрет государя с Милордом. Об этом пишет в своих воспоминаниях сын художника Сергей. Также он отмечает, что спутником его детства был «чистокровный гордон», подаренный его отцу Александром II и который происходил от собаки государя по кличке Милорд, а потому и своего щенка Маковские также нарекли Милордом³¹.

Сам автор воспоминаний родился в 1877 г., а воспоминания писал в 50-е годы XX в., то есть в глубокой старости. Вспоминая почти через семьдесят лет свое детство, С. Маковский отмечает, что у них была черная собака, подаренная государем, вроде по виду легавая. Отсюда автор делает бесспорные, на его взгляд, заключения, что подаренный государем щенок мог быть только чистокровным. Ведь у государя по определению не могло быть нечистокровных собак. А раз он черный и был похож на сеттера, то, значит, это, без сомнения, гордон. Правда, глядя на портрет государя с собакой кисти К. Маковского 1881 г., на память приходит описание первого Милорда, сделанное Пенским, что позволяет, без всякого сомнения, предположить, что второй Милорд был потомком первого, одним словом, «комнатная собака». Он, без сомнения, был легавой собакой, так как государь с ним охотился, но отнюдь не гордоном, так как чистокровный гордон не может иметь белых лап и вообще белых отметин. А именно это мы видим на всех изображениях и фотографиях и первого, и второго Милорда. Да и по типу он ближе к ньюфаундленду, чем к сеттеру, тем более чистокровному.

В мае 1862 г. Гауэншильд в рапорте директору лесничества Чарторижскому предложил к имеющимся уже в лесничестве зверинцам создать дополнительно еще куропаточный ремиз. По весьма оптимистичному представлению Гауэншильда в Лисине «удастся выводить столько куропаток, сколько потребуется для двух охот в год с легавой собакою. Охота такого рода будет лучшая из всех, которые мы имеем на пернатую дичь в нашем краю, потому что, во-первых, куропатки еще в августе месяце хорошо выдерживают собаку; во-вторых, после первого выстрела выводка обыкновенно разбивается так, что их потом можно отыскать по одиночке; и, в-третьих, куропатки держатся близ селений и на полях, так что ходьба за ними не утомляет»³².

Летом 1862 г. Гауэншильд был откомандирован во Францию и Австрию для ознакомления с устройством куропатников и фазанников тамошних придворных охот. По результатам этой поездки Гауэншильд представил подробный отчет, проект, планы и смету по устройству куропаточного ремиза в Лисино³³. В конце июня 1865 г. ремиз был полностью устроен.

Интересно заметить, что качество устроенного в Лисинском лесничестве куропаточного ремиза оценил и великий князь Владимир Александрович, третий сын Александра II, как и его отец, страстно любивший Лисино, посещавший его практически каждый год вплоть до своей смерти в 1909 г. и охотившийся здесь больше других великих князей. Великий князь пригласил Германа Федоровича устроить аналогичный куропатник и в его имении в Царской Славянке. Осенью 1868 г. Гауэншильд занимался устройством куропатника в великокняжеском имении³⁴. В октябре следующего года Гауэншильд посетил Царскую Славянку и, дав целый ряд советов по улучшению тамошнего куропатника, *«нашел, что все предполагаемые работы исполнены удовлетворительно»*³⁵.

Таким образом, со второй половины 60-х годов полностью сформировался цикл высочайших охот в Лисинском лесничестве: 1–2 охоты в апреле-мае на тяге, на глухариных и тетеревиных токах; 1–2 охоты в августе-сентябре в куропаточном ремизе (на перепелов, куропаток и фазанов); 1–2 охоты в октябре-ноябре в зверинцах (на кабанов, коз, ланей, оленей, зайцев, лисиц, барсуков и волков); 3–4 охоты в декабре-марте на медведей и лосей.

В октябре 1862 г. Гауэншильд был восстановлен в должности лесничего Северной дистанции и уже в апреле следующего года произведен в очередной чин — капитана Корпуса лесничих³⁶.

Хорошие организаторские способности Гауэншильда не остались без внимания Ферзена, и он через министра государственных имуществ сделал предложение о назначении Гауэншильда заведовать всеми зимними охотами в казенных лесничествах С.-Петербургской губернии. Однако это предложение не поддержал Лесной департамент, ответив Ферзену в письме от 6 сентября 1863 г.: *«Касаясь затем главного вопроса, кому может быть поручено заведывание Высочайшими Охотами на всей значительной площади избранных дач, найдено, что обязанность эта, с тем рвением за успех дела, который необходим при производстве ВЫСОЧАЙШИХ Охот, могла бы быть предоставлена заведывающему Лисинскими охотами, Корпуса лесничих Капитану Гауэн-*

шильду. Но так как этот офицер уже достаточно занят Лисинскими охотами и отвлекать для других поручений значило бы ослабить распоряжения по Лисинским охотам, то полагается более удобным обязанности по охранению избранных для охоты дач от истребления в них дичи, по содержанию обкладчиков и подготовке зверей для **ВЫСОЧАЙШИХ** охот, — словом, все предварительные распоряжения по этому делу отнести к обязанностям лесного управления, с тем чтобы распоряжения собственно по устройству **ВЫСОЧАЙШИХ** охот приняло на себя Егермейстерское Ведение»³⁷.

Учитывая достаточно серьезную производственную нагрузку Германа Федоровича, фактически совмещавшего две должности, Лесной департамент 7 августа 1864 г. предписал Лисинскому лесничеству освободить Гауэншильда от обязанностей лесничего Северной дистанции «и отнести на будущее время к исключительной его обязанности только заведывание, под главным руководством Директора Лесничества, Высочайшими охотами, а также состоящими при Лесничестве для охоты чинами, зверинцами и псарней, оставив затем все собственно хозяйственные распоряжения в отношении Зверинцев и псарни, то есть кормление зверей и собак, уход за ними и т.п. по-прежнему на Обер-Егере Кригер»³⁸.

Сама должность Гауэншильда получила официальное наименование «производитель высочайших охот» и была отнесена к VI классу. И здесь Герман Федорович попал в карьерную ловушку. Как гласит народная мудрость: *плох тот солдат, который не мечтает стать генералом*. Гауэншильд, будучи вполне исправным служакой, трезво оценивая свои карьерные способности и имея примером карьерные успехи сверстников, вполне мог дослужиться и до генеральской должности. Поэтому, недолго думая, он подал рапорт о его переводе в пограничную стражу. Лесной департамент осуществлению этого желания препятствий не увидел и дал добро. Однако всполошился сам министр государственных имуществ, и 16 июля 1864 г. Гауэншильд был вытребован на аудиенцию к Зеленому, «который объявил ему, что перевод его состояться не может, так как некем заменить его в должности производителя высочайших охот, при этом он присовокупил: “Вы не пожалеете о том, что остаётся, министерство будет постоянно иметь вас в виду и обеспечит вашу будущность”»³⁹.

В апреле 1865 г. Герман Федорович получил свой первый орден — Св. Анны III степени⁴⁰. До этого у него была только бронзовая медаль в память войны 1853—1856 гг., вручавшаяся, в общем-то, всем чинов-

никам, служившим в это время. Через год Гауэншильд был произведен в подполковники Корпуса лесничих⁴¹. В марте 1868 г. награжден орденом Св. Станислава II степени⁴².

В 1867 г. лесное ведомство вновь получило гражданскую организацию. Не желая видеть Гауэншильда в образе штафирки, «*во время переименования военных чинов Корпуса Лесничих в Гражданские чины по личному повелению Его Величества Государя Императора Высочайшим указом от 9 декабря 1868 г. он был зачислен в состоящие по армейской пехоте*»⁴³ с оставлением при Лисинском учебном лесничестве.

В 1869 г. Гауэншильд получил чисто карьерный орден. Владетельный князь Черногории Николай I пожаловал его орденом Князя Даниила I II степени⁴⁴. А через год Гауэншильд был произведен в полковники⁴⁵.

После отставки в 1871 г. Ферзена Герману Федоровичу вновь было предложено возглавить организацию всех зимних охот в С.-Петербургской губернии. Тут уже отказать не было никакой возможности. Гауэншильд перебрался в Гатчину, причем он так и остался по должности производителем высочайших охот в Лисине в штате Лисинского лесничества.

И хотя интенсивность зимних охот государя в 70-е годы немного снизилась, всю осень и зиму Гауэншильд проводил в постоянных переездах, так как требовалось уже организовать охот в 3—4 раза больше, чем он организовывал в Лисинском лесничестве. Служба была отнюдь не легкой. Чтобы охоты проходили на высочайшем уровне, нужно было контролировать все самому, проверять каждый оклад, каждую берлогу, руководить не только самой подготовкой окладов, но и всеми участниками охоты, от придворных егерей до последнего кричанина (а их на иных охотах бывало до 1000 и более человек). И все это зимой, на морозе в лесу и практически без выходных. Если случались подранки, то Герман Федорович, получив ценное указание от государя, что подранок должен быть всенепременно добран, лично занимался его добором. Причем были случаи преследования подранка по три дня, с неизбежными в этом случае ночевками в зимнем лесу. А года уже перешагнули шестой десяток, здоровье ухудшалось, о желанной отставке или переходе на более спокойную работу нечего было и думать.

В начале Балканской кампании Гауэншильд предпринял последнюю попытку вырваться из карьерной ловушки и 4 ноября 1876 г. подал по инстанциям рапорт: «*Вследствие Высочайшего приказа по Воен-*

ному ведомству от 1 сего ноября о мобилизации войск: имею честь всепокорнейшее просить Ваше Превосходительство ходатайствовать пред Высшим Начальством о прикомандировании меня к учебному пехотному батальону для узнания фронтовой службы по новейшему уставу, с тем чтобы впоследствии вступить в ряды действующей армии»⁴⁶.

Тут уже забеспокоился сам государь и «во время приезда на охоту в Лисино лично изволил спросить Гауэншильда: “Ты хочешь поступить во фронт? По какой причине?” Спустя полчаса после этого Г. Товарищ Министра князь Ливен объявил ему волю Государя, состоявшую в том, чтобы Гауэншильд оставался производителем Высочайших охот в Лисино»⁴⁷. Делать было нечего, и Гауэншильду пришлось смириться.

Единственным бонусом была возможность каждый год получать летние двухмесячные отпуска с сохранением содержания, которые ему давались без всяких задержек. Получаемые же им награды не приносили никакого удовлетворения⁴⁸, так как, имея уже чин V класса, Гауэншильд занимал должность VI класса, соответственно не мог рассчитывать на большую пенсию. Карьера для него закончилась.

После трагической гибели Александра II Гауэншильд подал прошение об отставке. Лесной департамент, понимая, что сразу найти человека на должность производителя высочайших охот (должность уникальную), которого поневоле будут сравнивать с предшественником, невозможно, всячески тормозил отставку. Лишь 3 апреля 1883 г. Гауэншильд получил желанную отставку с присвоением ему чина генерал-майора, мундиром и пенсией. Пенсия ему была назначена в 1145 руб. в год, хотя по его чину и должности ему полагалась пенсия в 857 руб. 76 коп. в год⁴⁹. Великий князь Владимир Александрович, высоко ценивший Гауэншильда, «принимая личное участие в семейном положении Генерал-Майора Гауэншильда», выхлопотал для Германа Федоровича усиленную пенсию. 30 декабря 1883 г. было высочайше утверждено положение Комитета министров о назначении Гауэншильду пенсии в 1500 руб. в год с даты его увольнения в отставку⁵⁰.

После отставки Герман Федорович перебрался на жительство в Петербург, где и скончался 8 ноября 1884 г.⁵¹ Гауэншильд был католиком, потому отпевание прошло в католическом соборе Св. Екатерины на Невском проспекте, прихожанином которого он был. Похоронен Герман Федорович на Смоленском немецком кладбище⁵². Могила сохранилась (рис. 3, 4). Детей у него не было, так как всю свою жизнь он оставался холостым.

Рис. 3. Общий вид могилы Г.Ф. Гауэншильда на Смоленском немецком кладбище. Фото автора. 2014 г.

Рис. 4. Надпись на могильном камне Г.Ф. Гауэншильда. Фото автора. 2014 г.

1. Своего первого медведя Александр II убил в Петергофском зверинце 31 августа 1844 г. (РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 201. Л. 228).

2. Так пишется его фамилия во всех формулярных списках о службе и в документах, а также на надгробном памятнике.

3. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 121. Копия метрического свидетельства. В формулярных списках год рождения Гауэншильда обозначен как 1823, скорее всего, это описка, повторявшаяся при переписке формуляров. Однако дальние родственники, хоронившие Германа Федоровича на Смоленском лютеранском кладбище, затруднились в установлении точного года и на могильном памятнике оставили пропуск. Все даты в очерке, за исключением специально оговоренных, даны по старому стилю.

4. Сайт Архива РАН: isaran.ru. Гауэншильд Федор Матвеевич фон.

5. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 191.

6. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 109, 113.

7. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 1. Л. 112–112 об.

8. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 1. Л. 21.

9. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 19–23.

10. Ныне — город Каунас Литовской Республики.

11. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 1.

12. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 11.

13. Десятина равна 1,04 гектара.

14. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 31.

15. Там же. Л. 50.

16. Там же. Л. 52.

17. ЦГИА. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 235. Л. 2.

18. РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 24356. Л. 36.

19. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 237. Л. 9–15.

20. Там же. Л. 17 об.

21. РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 24356. Л. 12

22. Цит. по: *Сабанев Л.П.* Собаки. Охотничьи, комнатные и сторожевые. Кн. I: Легавые. М., 1896. С. 126.

23. ЦГИА. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 40. Л. 102.

24. РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 819. Л. 6, 8, 12, 17.

25. То есть с белым ошейником на шее.

26. ≈ 75 см.

27. 4 года.

28. ≈ 71 см.

29. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 6. Л. 67.

30. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 22287. Л. 141.

31. С.К. Маковский // Портреты современников. М., 2001. С. 51.

32. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 15. Л. 88.

33. Там же. Л. 33–34, 62–88, 92–104.

34. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 33. Л. 203.

35. Там же. Л. 204–205.
36. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 125.
37. РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 1834. Л. 4–5.
38. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 15. Л. 245–245 об.
39. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 222.
40. Там же. Л. 133.
41. Там же. Л. 142.
42. Там же. Л. 147.
43. Там же. Л. 221.
44. Там же. Л. 152.
45. Там же. Л. 173.
46. Там же. Л. 194.
47. Там же. Л. 222.
48. В 1872 г. — орден Св. Анны II степени, в 1876 г. — орден Св. Владимира IV степени, в 1879 г. — орден Св. Владимира III степени (РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 175, 193, 210).
49. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 249.
50. Там же. Л. 257.
51. Новое время. 1884. 10 нояб. № 3127.
52. Новое время. 1884. 11 нояб. № 3128.